

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
"ПЕРВОЙ ВОЛНЫ"(1920-Е – СЕРЕДИНА 80-Х. ГГ.)**

© 2008 В.А.Митрохин

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

Статья посвящена изучению историографии русской эмиграции так называемой "первой волны". В работе представлены и рассматриваются различные направления научного поиска ученых-обществоведов. Автор уделяет особое внимание эволюции научных предпочтений отечественных исследователей русского зарубежья в течение всего исследуемого периода.

Большинство исследователей условно делят отечественную литературу по русской эмиграции на два больших этапа. Первый – с 1917 до рубежа 80-х–90-х (вся литература этого времени вошла в науку под названием "советской"), второй этап – это конец 80-х по настоящее время. Такая периодизация, на наш взгляд, вполне оправданна, если брать в расчет в качестве основного критерия принципиальную разницу методологических подходов в оценке российского прошлого.

Вместе с тем, более внимательный взгляд на историографическую проблематику русского Зарубежья требует детального учета специфики изучения темы в контексте идейно-политической эволюции государства. Направленность политического курса, смена лидеров, факторы международного влияния оказывали весьма существенное влияние на характер, тотальность, идейную заостренность исследования проблемы эмиграции. На этом основании каждый из определенных периодов, с нашей точки зрения, требует более детальной историографической дифференциации.

Основы подхода к изучению Зарубежья, ставшие определяющими в разработке исторической концепции эмиграции, были заложены в трудах В.И.Ленина. В своих выступлениях на VIII (1920) и IX (1921) съездах Советов, III конгрессе Коминтерна (1921), X (1921) XI (1922) съездах РКП(б), а также в работах периода 1919 – 1922 гг. он приводил данные о численности и социальном составе российской эмиграции, характеризовал особенности различных ее течений, уделял внимание персоналиям [1]. Ленинский взгляд на эмиграцию отражал ситуацию острой идеологической борьбы начала 20-х годов и предполагал рассмотрение общественной активности выходцев из России через призму

весьма жесткого, политически и классового противостояния. Руководитель Советского государства вел непримиримую борьбу со всеми разновидностями буржуазной идеологии, к коей были отнесены практически все политические течения "зарубежников". В этом смысле достаточно показательна работа "О значении воинствующего материализма", опубликованная в марте 1922 г. в журнале "Под знаменем марксизма". В ней лидер партии большевиков определил задачи в области идеологии, наметил программу длительной работы, цель которой – отстоять и развить принципы коммунистического мировоззрения, сделать их господствующими во всех сферах советского общества.

Центральной идеей ленинской статьи является мысль о том, что любая идеология имеет классовый, партийный характер. В этой связи, систематическая наступательная борьба с буржуазной идеологией, грозившей ослабить диктатуру пролетариата рассматривалась как первоочередная обязанность коммунистов.

Вместе с тем, было бы неверно упрекать В.И.Ленина в догматизации курса борьбы "против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания" [2, С.30]. Внимательно отслеживая ситуацию в "белом" лагере, вождь партии хорошо видел разницу общественно-политических ориентиров соперничавших групп эмиграции, ее внутреннюю противоречивость [3], прекрасно осознавал необходимость установления союзнических отношений с интеллигенцией (многие ее представители в России пребывали в состоянии так называемой "внутренней эмиграции"). Все это способствовало выработке известной компромиссности, избирательного подхода в отношении различных общественных течений, а в конечном итоге,

оформлению достаточно гибкой тактики идейной борьбы.

Так, в отношении правомонархического крыла эмиграции В.И.Ленин занимал непримиримую позицию, призывал к решительной и непримиримой борьбе с классовым врагом. При характеристике этой части политического спектра эмиграции он выделял ряд черт, с высокой степенью точности отражавших ситуацию на начало 20-х годов: зависимость от иностранных государств, активная и разносторонняя антисоветская борьба, направленная на дискредитацию власти, подготовка интервенции [4].

Иными виделись отношения с так называемой "левой" частью интеллектуальной общности, сравнительно лояльной в отношении утвердившегося режима и нацеленной на конструктивное сотрудничество с новой властью. Здесь В.И.Ленин придерживался тактической линии компромисса, объединения усилий здоровых сил общества в созидании советской государственности. Наиболее ярко данный подход проявился в отношении пореволюционного "сменовеховства".

Данное общественное течение приобрело популярность в начале 20-х годов как в России, так и за ее пределами. Лидеры "сменовеховства" (также не единые в своем понимании будущности страны) выражали настроение широких социальных слоев – от служащих до представителей нэпмановской буржуазии – и пытались найти приемлемые пути "врастания" в советскую действительность.

В.И.Ленин считал сменовеховство объективно-прогрессивным явлением и неоднократно демонстрировал свою поддержку представителям этого направления общественной жизни. Известно его прямое вмешательство в судьбу журнала "Новая Россия" ("Россия"), высокая оценка выступлений Ю.В.Ключникова по вопросам Генуэзской конференции и т.д.[5]

Положительная оценка обозначившегося поворота широких слоев общества (о особенно интеллигенции) в сторону советской власти нашла свое отражение в решениях XII Всероссийской конференции РКП(б) (1922 г.). В резолюции "Об антисоветских партиях и течениях" отмечалось, что сменовеховство играет прогрессивную роль, а также "сплачивает те группы эмиграции и русской интеллигенции, которые "примирились" с советской властью и готовы

работать с ней для возрождения страны" [6, С.590].

Первые работы по истории русской эмиграции появились уже в 20-е годы. Это были не столько исторические исследования, сколько отклики на животрепещущие вопросы современности. Видные деятели большевистской партии, публицисты, советские историки связывали задачи построения бесклассового общества с необходимостью борьбы против врагов социалистического государства.

Неизбежным следствием такого похода являлись политизированность, субъективизм, обостренная полемичность в оценках и восприятие русского зарубежья. В центре внимания работ А.В.Бубнова, Н.Л.Мещерякова, Л.В.Луначарского, И.М.Калинина, Г.Лелевича и др. [7] были политические настроения внутри различных групп эмиграции (в первую очередь, революционно-ориентированных). Характеризуя намерения и действия оппозиционно настроенной части интеллигенции, авторы констатировали психологический надлом белых бойцов, потерю ими надежды на возвращение на родину и сопряженные с этим пессимизм, моральное разложение. Немало места уделялось пропаганде различных форм и методов борьбы советской власти с противоборствующими силами, выявлению социально-психологических течений, тяготевших к сотрудничеству с режимом ("сменовеховства" в первую очередь). Начальный период изучения эмиграции (1920 – 1925 гг.) обуславливался утилитарными потребностями выживания новой власти в условиях противостояния с многочисленными политическими соперниками. Важной его характеристикой являлось преобладание агитационно-пропагандистских задач над научно-познавательными. История в данном случае представляла влиятельным инструментом идеологической борьбы ("служить оружием советской пропаганды"). В 1922 году об этом откровенно писал известный историк М.Н.Покровский: "История революции объективная и научная, должна ответить на вопрос: почему было неизбежно, чтобы большевизм стал у власти в октябре 1917 года? Почему никакой другой подход к революции был невозможен" [8]. В соответствии с этим подходом большевистские историки разрабатывали свою концепцию русской революции [9]. Приход к власти Ленина и его партии объяснялся закономерным результатом всего предшест-

вующего развития страны. На долгие годы в советской историографии утвердился тезис о предопределенности октябрьской победы большевиков.

Несмотря на бросающийся в глаза идеологизм в рассмотрении проблем эмиграции, советская легальность первой половины 20-х годов открывала определенные возможности для дискуссий. Россия начала 20-х годов была еще далека до тотального огосударствления всех сфер общественной жизни. Так, неподконтрольная властям частная издательская деятельность способствовала популяризации мнений, далеко не всегда совпадавших с официальной советской доктриной (в том числе, в вопросах отношения к оппозиции)[10]. На страницах альтернативных изданий с властями спорили философы С.Франк, Н.Бердяев, Н.Лосский, историки А.А.Кизеветтер, Р.Ю.Виннер, экономисты Б.Ю.Бруцкус, С.И.Зве-рев, А.Н.Буковецкий, И.М.Кулишер и многие другие[11].

В этих условиях относительной либерализации мнений широкое распространение получила практика опубликования воспоминаний и мемуаров политических деятелей, оппозиционно настроенных по отношению к коммунистическому режиму.

Одним из интересных изданий такого рода стали мемуары А.Бобрищева-Пушкина – одного из видных участников сменовеховского движения [12]. В них автор характеризует основные черты общественного течения, реакцию его лидеров на преобразования в России, исследует социально-психологическую природу и историю сменовеховства. Не меньший интерес представляет схожая по тематике работа В.М.Белова "Белое похмелье", изданная в 1923 году" [13]. Пройдя через "все круги ада" беженца, автор затронул проблемы адаптации эмигрантов, описал их жизнь в непривычных, зачастую экстремальных условиях зарубежья.

Тема выживания русских беженцев за границей нашла свое отражение в публицистических работах Л.Владимирова, А.Слободского, И.Лученкова и других авторов [14].

Дополнительным источником, проливающим свет на природу русской эмиграции в первые послевоенные годы являлась издательская практика регулярной публикации материалов о выходе в свет белогвардейской литературы за рубежом. Обзоры В.Десницкого, Я.Кантаровича и других авторов позволяли ориентироваться в

эволюции общественно-политических настроений выходцев из России, давали представление (пусть в общих очертаниях) о мировоззренческом поиске интеллектуальной элиты зарубежной России [15].

Многие отечественные издания этого времени не были лишены аналитичности и довольно точно отражали сущность белоэмигрантского реваншизма, характерного для военной эмиграции, показывали его скрытые механизмы и движущие силы (особо следует отметить работы Р.Нарраевского) [16].

При всем разнообразии литературы начала двадцатых годов по проблемам эмиграции (книги, газетные и журнальные статьи, пропагандистские брошюры и т.д.) родовыми ее чертами стали идеологическая заданность, схематизм, некоторая поверхностность в анализе событий, трактовавшихся, как правило, с классовых позиций. В этом трудно упрекать отечественных авторов. Суровые реалии послевоенного времени не давали возможности приступить к профессиональной разработке темы. Поэтому период 1920 – 1925 гг. по существу – предыстория научного изучения русского зарубежья. Тем не менее, в это время достоянием общественности стали многие источники, в научный оборот введен значительный фактологический материал. Исследователи более позднего времени получили возможность использовать работы 20-х гг. как базу для дальнейшего углубленного научного анализа, именно тогда начинает складываться фундамент историографического освоения проблемы.

Вторая половина 20-х годов в отечественной истории совпала с обострением внутривнутрипартийной борьбы в ВКП(б). Развертывавшиеся теоретические споры по вопросам общественного развития, как правило, были сопряжены с жесткой критикой оппонентов. Выступление против линии большинства ЦК расценивалось как "подрыв единства", "акт фракционности", "раскольническая" работа. Идеи противники объявлялись носителями мелкобуржуазных взглядов, меньшевиками в новом обличии.

В этой обстановке тема эмиграции обрела совершенно иное звучание. На страницах изданий ВКП(б) "выявлялась" и демонстрировалась неразрывная связь платформ оппозиционных лидеров с идеологией небольшевистских партий и движений, с удовольствием цитировались ав-

торы, выразившие поддержку "инакомыслящим" большевикам [17].

Обвинения оппонентов в стремлении к термидорианскому перерождению революции, заимствованные из "Смены вех" [18], перемежались с жесткой критикой эмигрантской литературы, объявленной идеологически враждебной большевистскому мировоззрению.

Задачи уничтожения "вражеской идеологии" требовали большей определенности в отношении эмигрантских течений и их политических действий. Восприятие русского зарубежья в советских СМИ и пропагандистской литературе второй половины 30-х годов становится более упрощенным, в сравнении с начальным периодом. Происходит сужение и ограничение субъектов исследовательского процесса. Тональность и направление критики, как правило, задавалось высшим партийным руководством страны. Так, выступление И.В.Сталина на XIX съезде ВКП(б) окончательно утвердило представление о сменовеховцах как выразителях "новой" нэпмановской буржуазии. К началу 30-х годов сменовеховцы уже расцениваются как "предшественники "вредительства". Полный набор стереотипов, определявших позицию, в отношении сменовеховства был сформирован в вышедшей в 1936 г. книге И.Лежнева "Записки современника". Исследуя духовную и политическую эволюцию течения, автор подчеркивал, что "Устрялов" и "Смена вех" пребывают в настроении "революция" кончилась" [19, С.229]. В этой связи с точки зрения Лежнева, требуется корректировка тактической линии в отношении "буржуазной интеллигенции и белогвардейства". Предыдущая оценка интеллигентского "принятия революции" (в том числе, ленинская) "была верна только на ограниченный период, и то "условно" [19, С.233]. Логическим итогом нехитрых авторских рассуждений стала мысль о том, что сменовеховство исчерпало себя.

Уничтожающей критике в партийной и советской печати подвергались представители зарубежной социал-демократии. Набор эпитетов в отношении меньшевиков варьировался от агрессивно-изобличительных ("предатели интересов рабочего класса", "агенты буржуазии"), до иронически-снисходительных ("путаники и демагоги", "оппортунисты") [20].

Тем не менее, и в этом потоке огульного критиканства иногда раздавались здравые голоса, пусть и не лишённые критического запала.

Примером такого подхода может служить доклад члена Коммунистической академии ВКП(б) С.Диманштейна Комиссии по изучению национального вопроса, сделанный в 1929 году. Предметом внимания докладчика стала меньшевистская платформа по национальному вопросу [21, С.224]. Были выделены критерии оценки национального вопроса, этапы формирования меньшевистских взглядов, проанализирована общность позиций с австрийскими марксистами Реннером и Бауэром, а также с бундовцами.

Диманштейн выявил и убедительно представил противоречия в отношении меньшевиков к централизованному устройству многонационального государства и практическим формам национального самоопределения.

В сугубо критических тонах во второй половине 20-х годов представляли идеологию и практику правого лагеря эмиграции. Как правило, акцентуация делалась на террористической деятельности. В работах этого времени, носивших, главным образом, агитационно-пропагандистский характер, авторы стремились увязать положение в Советской стране с подрывной деятельностью политических партий за рубежом и показать тщетность их усилий повлиять на жизнь общества 20-х - 30-х годов [22]. Литература того времени исключала даже намек о рациональном зерне консервативной идеологии русского Зарубежья.

30-е – середина 50-х годов – особый период в исследовании проблемы. Тема российской эмиграции становится полузапретной. Косвенным образом это являлось отражением общественно-политических процессов и в стране, и мире.

Суровое время 30-х годов потребовало от руководства страны сконцентрировать политическую волю в едином центре. Складывавшаяся идеократическая система не допускала альтернативных толкований общественного процесса. Либерализм и неразрывно связанное с ним многообразие мнений виделись недопустимой роскошью в условиях неумолимо приближавшейся мировой войны. Борьба с оппозиционными настроениями как внутри страны, так и за ее пределами, велась в разных формах. В отношении русского зарубежья, как правило, прибегали к уничтожающей критике и замалчиванию. Так, в официальных справочных изданиях указывалось на то, что эмиграция на протяжении всего

своего существования была связана "...бесчисленными нитями с разнообразными классовыми организациями буржуазии, особенно ее фашистской, военной, социал-фашистской агентурой" [23, Т.64, С.160 – 161]. Обличительные мотивы стали характерной особенностью немногочисленных публикаций, посвященных эмигрантской проблематике (либо в той или иной степени затрагивавших ее), в предвоенное время. В работах Е.Михайлова, В.Аварина, В.Минаева и других авторов основное внимание сосредоточено на теме "уничтожения вражеской идеологии" [24].

Некритическое отношение к состоянию науки, общее снижение методологической культуры исследований этого времени было связано не только с повышенной идеологизацией "запретной" темы [25]. Практически недоступными стали источники, позволявшие более объективно представить жизнь российской диаспоры за рубежом. На многие годы были преданы забвению (изъяты из научного оборота и спрятаны в спецхран) мемуары, исследования и периодика зарубежья.

Резкому сужению историографического пространства способствовало также утвердившееся в этот период мнение, что история "контрреволюции" не заслуживает внимания.

Тем не менее, и в это время предпринимались шаги в направлении исследования зарубежной России. Труды Э.Генкиной, Н.Мамая, И.Короткова хоть и несли на себе печать послевоенной политической ситуации в стране, но также способствовали расширению научного знания" [26].

С середины 50-х годов в отечественной историографии наступает новый период. Хрущевская "оттепель" и связанная с ней либерализация общественной жизни привнесли качественные изменения в процессе научного осмысления феномена русского зарубежья. Исследователи этого периода (сер. 50 – сер. 80-х гг) стремятся уйти от конфронтационного подхода и абсолютизации классовых ценностей. Карикатуризация и эмоционально-политизированное изобличение "белогвардейщины" сменяют более взвешенные с исторической точки зрения оценки. В работах советских историков конца 50 и особенно 60-х годов (А.И.Брюханов, М.К.Гаврилов, В.А.Кара-мышев, И.Я.Трифонов) тема русской эмиграции постепенно освобождается от фальсификаций, наполняется адекват-

ным историческим содержанием [27]. Меняются акценты. Российские изгнанники все чаще предстают перед читателем "заблудшими" людьми, заслуживающими не только осуждения, но и сочувствия.

Примером эволюции взглядов отечественных авторов, переосмысления непримиримо-классовой позиции в отношении политических проивников является монография Л.М.Спирина, вышедшая в 1968 [28]. На широком историческом фоне, с использованием разнообразных источников автор представляет драматическую картину идейного "плюрализма" времен Гражданской войны, завершившуюся исходом из страны миллионов политически активных, деятельных граждан. Авторская позиция получила развитие в более поздних работах [29].

В немалой степени восстановлению объективной эмигрантской жизни со всеми ее тяготами, внутренними борениями, надеждами и заблуждениями способствовало вовлечение в научный оборот дотоле недоступных источников.

Важным шагом в этом направлении, способствовавшим изменению устоявшихся за десятилетия стереотипов восприятия "заграницы", стала публикация воспоминаний бывших эмигрантов. Мемуары Л.Любимова, И.Эренбурга, Б.Александровского позволили увидеть в новом свете жизнь российских изгнанников, всю ее сложность и противоречивость [30].

Своеобразный "ренессанс" эмигрантской проблематики в 70-е – 80-е годы также объясняется прежде всего расширением источниковой базы. Советские историки получили возможность познакомиться с материалами Русского заграничного исторического архива (РЗИА), архивными фондами советских спецслужб и т.д. 70-е – 80-е годы стали временем интенсификации историографического процесса, что выразилось в увеличении количества выпускаемой литературы, разработке таких направлений исторических знаний, как историография, источниковедение, методология. В поле зрения отечественных исследователей все чаще стала включаться западная историография.

На смену обобщающе-негативного определения "белоэмигранты" приходит осознание сложности политической, культурной и социальной палитры "России № 2". Это, в свою очередь, стимулировало своеобразную научно-исследовательскую дифференциацию среди

ученых, способствовало расширению тематического пространства.

Так Г.З.Йоффе сосредоточил свое внимание на углубленном рассмотрении правого лагеря российской политической эмиграции. В увидевшей свет в 1977 году монографии детально проанализирована эволюция зарубежного монархизма, династические проблемы и связанные с ним внутренние коллизии [31]. Автор достаточно подробно исследовал идейную подоплеку политического течения, намерения и действия лидеров монархизма, реакцию на них политических соперников (конкурентов).

К числу "беспорных достижений исторической науки" этого времени некоторые исследователи [32, С.7] относят сравнительно небольшую работу С.А.Федюнина "Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу", также вышедшую в 1977 году [33].

В заслугу ученому вменяется "реабилитация" сменовеховства и вычленение внутри этого пореволюционного течения отдельных направлений [34].

Бесспорно, сам факт исследования настроений в интеллигентской среде в начале 20-х годов, влияние на нее сменовеховских идей был шагом вперед в советской историографии 70-х годов [35]. Однако вряд ли его можно назвать новым. Николай Васильевич Устрялов еще в начале 20-х годов проводил четкую разделяющую линию между различными группами сменовеховцев как внутри страны, так и за ее пределами [36]. Критерием различий при этом определялись разные идейные предпочтения, несовпадение в понимании смысла и характера компромисса с новой властью.

Повышенный интерес в 70-е – 80-е годы вызывала история конституционно-демократической партии. Затрагивались самые разнообразные аспекты проблемы: эволюция воззрений кадетских лидеров от Февраля к Октябрю 1917 года, во многом объясняющая послеоктябрьскую эмиграцию (В.А.Кувшинов) [37], поиск новой партийной тактики в условиях эмигрантского рассеяния и раскол в лагере кадетов (Ю.В.Мухачев, Л.К.Шкаренков) [38]. История "партии народной свободы" так или иначе рассматривалась в обобщающих трудах В.В.Комина, Г.Ф.Барихновского и др. [39].

Абсолютное большинство авторов этого времени, следуя традиционным политическим оценкам, рассматривают кадетские организации,

прежде всего, через призму разоблачения их контрреволюционных планов и действий в отношении большевиков. Заданный ракурс исследования темы зачастую приводил к неверному, либо упрощенному рассмотрению ситуации в кадетской среде. Например вряд ли можно соглашаться с сентенцией Г.Ф.Барихновского о том, что кадеты "заявляли о верности союзу с дворянством, принципам монархизма и выступали за поддержку остатков армии Врангеля" [40, С.20]. Кадетизм, как политическое течение [41], претерпел за рубежом сложную трансформацию, а его сторонники отличались неоднородностью и разнообразием восприятия общественно-политических явлений межвоенного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ленин В.И. Доклад на III Конгрессе Коминтерна // ПСС. Т. 44; его же. О международном и внутреннем положении Советской Республики // ПСС. – Т. 45. – С. 1 – 16; его же. О продовольственном налоге. ПСС. – Т. 3. С. 205 – 245; его же. Речь на всероссийском съезде транспортных рабочих // ПСС. – Т. 43. С. 130 – 144.
2. Ленин В.И. О международном и внутреннем положении Советской Республики // ПСС. – Т. 45.
3. ¹ В кремлевской библиотеке В.И.Ленина было обнаружено 267 книг эмигрантских авторов (см.: Библиотека В.И.Ленина в Кремле: каталог. – М.: 1961. С. 225 – 240).
4. Ленин В.И. Речь при закрытии съезда // ПСС. – Т. 43. – С.126; его же. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. // Там же. – С. 138 – 140; его же. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г.Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. // Там же. С. 149 – 151.
5. Поддержка сменовеховства совсем не означала полной солидаризации с ним. В докладе XI съезду РКП(б) Ленин подверг критике Н.В.Устрялова и его концепцию "перерождения" Советской власти, при этом подчеркнув, что опасность перерождения – это основная и действительная опасность" (В.И.Ленин. Политический отчет Центрального комитета РКП(б) // ПСС. – Т. 45. – С. 93 – 95). Критический тон в отношении этого течения сохранился и в решениях XIII партконференции (январь 1924 г.). Важной задачей виделась "борьба за идеологическую чистоту партии, против мелкобуржуазного и сменовеховского обволакивания" Цит. по: Резолюция "О партстроительстве" // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т.2. – С.147.
6. Резолюция "Об антисоветских партиях и течениях" // КПСС в резолюциях. – Т. 2. 1917 – 1924
7. Бубнов А. В. Буржуазное реставраторство на втором году НЭПа. Сб. статей. – М.: 1923; Мецгеряков Н.Л. На переломе (из настроений белогвардейской эми-

- рации). – М.: 1922; *Луначарский А.В.* Смена вех интеллигентской общественностью // Культура и жизнь. – 1921. – №1; *Калинин И.* На болгарском плацдарме (Из истории взаимоотношений Врангеля и болгарского правительства) // Военная мысль и революция. Кн. 5. – М.: 1923; *Лелевич Г.* Как они делали революцию (Февраль в белогвардейском описании. – М.: 1923; На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. Сб. ст. – М.: 1923.
8. *Покровский М.Н.* Противоречия г-на Милокова. – М.: 1922; его же. Контрреволюция за 4 года. – М.: 1922. – С. 44.
  9. *Пионтковский С.А.* Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк. – М.; Пг.: 1923; *его же.* Октябрь 1917 года. – М.; Л.: 1927; *Покровский М.Н.* Октябрьская революция. Сб. ст. – М.: 1929; Очерки по истории Октябрьской революции: В 2 т. – М.: 1927; *Ярославский Е.М.* Партия большевиков в 1917 году. – М.; Л.: 1927.
  10. Начало 20-х годов в России отмечено стремительным ростом частных издательств (в 1922 г. только в Москве и Петрограде их было зарегистрировано более 300), а также журналов и альманахов несоветского направления. Даже в 1924 г их выпускалось 28. См.: *Федюнин С.А.* Борьба коммунистической партии с буржуазной идеологией в первые годы НЭПа. – М.: 1977. – С. 9.
  11. Общественная и научная деятельность "альтернативщиков", как правило, вызывала критику (далеко не всегда конструктивную) со стороны коммунистического лагеря. Например, в начале 20-х годов в коммунистической прессе вышел ряд статей, обвинявших Л.П.Карсавина в религиозном мракобесии (*Васанян В.* Ученый мракобес // Под знаменем марксизма. – 1922. – № 3. – С. 43 – 45; *Преображенский П.Ф.* Философия как служанка богословия // Печать и революция. – 1922. – С. 64 – 73).
  12. *Бобринцев-Пушкин А. В.* Патриоты без отечества. – Л.: 1925.
  13. *Белов В.М.* Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время. – М.; Пг.: 1923.
  14. *Владимиров Л.* Возвратите их на Родину! Жизнь врангелевцев в Галлиполи, Болгарии. – М.: 1924; *Слободский А.* Среди эмигрантов. – Харьков: 1925; *Лученков И.* За чужие грехи. Казаки в эмиграции. – М.; Л.: 1925.
  15. *Десницкий В.* Печать белой эмиграции // Книга и революция. – 1922. – № 1(15). – С. 46 – 50; *Кантарович Я.* Зарубежная книжная литература о Советской России в 1921 г. // Книга и революция. – 1922. – № 5(17). – С. 25 – 31; *Томсинский С.Г.* Октябрь в белогвардейском освещении // Историк-марксист. – 1927. – Т. 5. – С. 184 – 190.
  16. *Нарраевский Р.* Контрреволюционные русские вооруженные силы за рубежом к пятилетию РККА. – М.: 1923; *его же.* Обзор российских контрреволюционных сил за рубежом // Пролетарская революция. – М.: – 1925. – № 4.
  17. *Кирион В.* Эмиграция и оппозиция. – М.; Л.: 1927; *Радыгин Г.* Белая печать о правом уклоне // Спутник коммуниста. – 1929. – № 1 – 2. – С. 22 – 31; *Астров В.* Белогвардейский "Руль" об оппозиции // Ленинградская правда. – 1926. – 17 января.
  18. *Астров В.* Что скрывается за "левой" фразой оппозиции? – Л.: 1926; *Ксенофонтов Ф.* Лицо правого уклона. – Новосибирск: 1929; *Голосовский С.* О фракционной работе правых. – М.: 1930; *Дальников И.* На борьбу с правым уклоном. – М.; Л.: 1929 и др.
  19. *Лежнев И.* Записки современника. – Т. 1. – М.: 1936
  20. Меншевицкая контрреволюция. Сб. ст. – М.: 1931; Меншевики-интервенты. Сб. ст. – М.: 1931; Меншевики на службе русской и международной контрреволюции. Сб. ст. слушателей ИКП. – М.; Л.: 1931.
  21. *Диманштейн С.* О меньшевицкой платформе по национальному вопросу // Вестник Коммунистической Академии. – 1929. – Кн. 34.
  22. *Нарраевский Р.* Обзор российских контрреволюционных сил за рубежом // Пролетарская революция. – 1925. – № 4; *Кичкасов Н.* Белогвардейский террор против СССР. – М.: 1928; Процесс по делу пяти террористов-монархистов. – М.: 1930; *Арсеньев Е.* Поджигатели войны: 4 покушения на полпредство в Варшаве. – М.; Л.: 1931.
  23. Большая Советская энциклопедия. – М.: 1934.
  24. *Михайлов Е.А.* Белогвардейцы – поджигатели войны. – М.: 1932; *Аварин В.* "Независимая" Манчжурия. – Л.: 1934; *Минаев В.* Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР. – М.: 1940.
  25. Именно в 30-е годы концепция советской историографии, трактующая эмиграцию как одно из наиболее организованных (в первую очередь это распространялось на военную эмиграцию) и опасных антисоветских сил, принимает законченный вид.
  26. *Генкина Э.Б.* Из истории борьбы партии за укрепление идеологического фронта // Вопросы истории. – 1949. – № 1; *Мамай Н.* Коммунистическая партия в борьбе за идейно-политическое воспитание масс в первые годы НЭПа. – М.: 1954; *Коротков И.С.* Разгром Врангеля. – М.: 1955.
  27. *Карамышев В.А.* Советская военная печать в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918 – 1920). – М.: 1954; *Конг П.* Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. – М.: 1958; История гражданской войны в СССР. – Т. 5. – М.: 1960; *Брюханов А.И., Гаврилов М.К., Филатов Н.А.* Страница истории, ждущая своих исследователей // Вопросы истории. – М.: 1961; *Захаров С.А.* Комиссар-дипломат (П.Л.Войков). – Свердловск: 1962; *Жуковский Н.* Полномочный представитель СССР. – М.: 1968; *Трифонов И.Л.* Классы... 64.
  28. *Стирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. – М.: 1968.
  29. *Стирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (нач. XX – 1920 г.). – М.: 1977.
  30. *Любимов Л.* На чужбине. – М.: 1963; *Эренбург И.* Соб. соч. в 9 томах. – М.: 1966; *Александровский Б.* Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. – М.: 1966.
  31. *Йоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. – М.: 1977.
  32. *Байлов А.В.* От "вех" к сменовеховству (Из истории идейно-политических исканий российской интеллигенции) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону: 1996.

33. Федюнин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. – М.: 1977.
34. В дальнейшем большинство авторов, так или иначе затрагивавших сменовеховство (А.В.Квакин, Ю.В.Му-хачев, Л.К.Шкаренков, О.П.Федорова и др.), действительно придерживались предложенного подхода.
35. Определенные наработки на поприще изучения пореволюционных течений общественной мысли были сделаны предшественниками С.А.Федюнина. См.: Мамедов М.Р. НЭП и политическое воспитание рабочего класса. – Баку: 1966; Недобаева А.С. Разоблачение В.И.Лениным идеологии сменовеховства, меньшевизма и эсеровщины. Сб. ученых трудов Свердловского юрид. ин-та. – Свердловск: 1969. Вып. II. С. 79 – 91; Хошунова О.И. Из истории борьбы партии со сменовеховством (1921 – 1926 гг) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. История. – 1976. – № 4. – С. 3 – 21.
36. См. письма Н.В.Устрялова П. Сувчинскому // ГАРФ. Ф. 5783. Оп.1, Д.312. Л.108.
37. Кувшинов В.А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль – октябрь 1917 г.). – М.: 1982.
38. Мухачев Ю.В. "Новая тактика" российской контрреволюции и ее провал. Исторически записки. – Т. 99. – М.: 1977; Мухачев Ю.В., Шкаренков Л.К. Крах "новой тактики" контрреволюции после гражданской войны. – М.: 1980.
39. Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. – Ч.1. – Калинин: 1977; Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921 – 1924). – Л.: 1978; Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. – М.: 1982.
40. Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921 – 1924). – Л.: 1978.
41. Конституционные демократы не сулили сохранить в эмиграции партийную структуру и продолжали существовать в виде политического течения.
42. Мухачев Ю. "Новая тактика" российской контрреволюции и ее провал // Исторические записки. – Т. 99. – М.: 1977. Дискуссия вокруг "новой тактики" не является прерогативой отечественных историков. Ее содержание еще в начале 20-х годов вызывало много вопросов (а чаще недоумение) как у сторонников, так и у противников П.Н.Миллюкова.
43. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М.: 1981.
44. Онегина С.В. Поревлюционные политические движения российской эмиграции 1925 – 1945 гг. Варианты российской государственной доктрины. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: 1997.
45. Одной из особенностей исследования темы являлось стремление авторов доказать закономерность и неизбежность "политической смерти" небольшевистских партий в эмиграции. Развитие и эволюция взглядов лидеров общественно-политических направлений представлялось как "поиск более гибких форм борьбы против диктатуры пролетариата". Научный анализ зачастую подменялся классово-антагонистичными оценками, сохранившимися с 30-х годов. Это настроение легко угадывается в книге С.З.Почанина. Касаясь ситуации, сложившейся в эмигрантской среде автор пишет: "Остатки разбитой и размежевавшейся российской контрреволюции кончали свой бесславный путь на задворках западных держав" (Почанин С.З. Историей обреченные. – Минск: 1977. – С. 58).
46. Шкаренков Л.К. Белая эмиграция: эволюция и крах (1917 – 1945). Дис. ... д-ра ист. наук. – М.: 1981.

SOVIET HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN EMIGRATION OF THE FIRST WAVE (1920S – MID-80S)

© 2008 V.A.Mitrokhin

Saratov State University

The article is devoted to the historiography of Russian emigration of so-called "first wave". Various directions of research are analyzed. Special attention is given to the evolution of research preferences of Soviet scholars in studying Russian emigration during all investigated period.